

ЛЕГКО НАЧИНАЯ за крайней изгой. Стройные, гордые сосны свысока глядели на изнурительный человеческий труд, не уставая рассказывать мужественным дубам и грустным березкам, как безразлично и однообразно сельское житье. Люди работали с утра до ночи, зная лишь одну заботу — о куске хлеба.

Так жили многие поколения юрсовских крестьян. В семнадцатом пришли и сюда большие перемены... — Ты, Ванька, определенно в рубашке на свет явился, — говорил Федор Тимофеевич Екатериничев, сноряжая младшего сына в первый класс. — Лиха не пробова, горя в глаза не видал, а поди ж ты — в училище.

И, увидев, какую уморительную физиономию скорчил первоклассник в ответ на его слова, — точь-в-точь старый сосед-ворчун! — отец не выдержал, расхохотался: — Вот обезьянка! А? Небось, вырастешь — в актеры пойдешь.

Мальчишка прозвали обезьянкой за его умение ловко передразнить всех и каждого. А восьмью лет он уже сыграл свою первую роль в настоящем спектакле. Правда, спектакль этот был школьный, шел он не в театре, а в обыкновенном классе, но все-таки...

С того памятного ноябрьского вечера Ваня Екатериничев стал непременным участником всех школьных постановок. Остальные члены драмкружка были гораздо старше его, но Ваня не смущался. Жалел только, что не дают ему ролей стариков. Хорошо было выйти на сцену с длинной бородой и чтобы никто не узнал (даже отец с матерью!). И еще очень хотелось попласть в театр, посмотреть, как там играют.

Очевидно, и в самом деле в какой-то счастливой рубашке он родился. Стоит задумать — сбываются желания. Одно за другим. За год исполнилось два самых главных. Не успел отклеить бороду после премьеры (никто не узнал), как в дверь просунулась вздохма-

ченная голова Кольки Комарова: — Слышь, Ваня! Театр к нам едет. Если бы ему сказали тогда, что в село приезжает сам всадник без головы, и тогда бы он меньше удивился и обрадовался. Да что там всадник без головы! К нему навстречу шла сама его мечта. И конечно, он не поверил в первую минуту. Он подумал, что его разыгрывают, что над ним шутят.

Но все же это был театр. И не какой-то, а Московский Государственный Малый театр! Его мастера, верно храня традиции Щепкина и Островского, поехали в самую глубь Воронежской области. Поехали, чтобы обогатить народ своим искусством и чтобы, в свою очередь, обогатиться от народа. Они верили в неиссякаемый глубинный родник русских талантов.

В Земетчине, в специально отстроенном здании, шел первый спектакль филиала Малого театра. Давали гоголевского «Ревизора». Сотни взглядов, жадных, любопытных, оживающих, устремились из зала на сцену.

Для Вани в тот момент перестало существовать все вокруг. Исчезла рампа, отделявшая актеров от зрителей, исчезла условность сценического действия. Он впервые так полно и так ярко ощутил силу большого, настоящего искусства. И он вдруг отчетливо понял, что жить вне этого искусства он не сможет.

Заслуженный деятель искусств республики Иван Степанович Платон, талантливый руководитель Земетчинского филиала, предложил взять шефство над всей художественной самодеятельностью района.

Под руководством артиста Н. Н. Доброхотова юрсовские школьники подготовили спектакль «Робин Гуд». Его показывали в Юрсове, вывозили в Земетчино. Везде зрители от души аплодировали артистам-школьникам. Особенно много аплодисментов выпадало на долю незадачливого секретаря шерифа Скелетона. Роль исполнял Ваня Екатериничев. После спектакля в гри-

мерную очередь за другим приходили артисты Малого театра — Истомин, Станюлис, Полякова, Юдина, Окунев. Поздравляли ребят с успехом. Всех по очереди. Затем оглядывались в сторону русого, коренастого паренька:

— Вы не думали еще о своем будущем?

— Думал. Стану актером.

* * *

...Когда после окончания Земетчинской театральной студии Иван приехал в Ленинград, чтобы поступить в театральное училище, он вдруг узнал, что училище реорганизовали в институт. А у него не было среднего образования! Пришлось идти в техникум — в полиграфический. Успокаивал он себя тем, что всякую мечту надо подвергнуть испытанию, чтобы убедиться, насколько она сильна.

Испытание верности искусству он выдерживал хорошо. В техникуме все признавали его как лучшего актера самодеятельности. К тому же Ивана приняли и во вспомогательную труппу Большого драматического театра имени Горького. Вчерашний студент-полиграфист с головой уходил в мир любимых образов.

Один шаг отделил его от театрального института, от мечты. На пути встала война.

...Осколок просвистел и шлепнулся где-то совсем рядом. Эх, Иван Федорович, рано ты размеч-

тался об этюдах да о спектаклях. Война! Крепче сжимай винтовку. И берегись осколка. Он летит прямо на тебя, он метит тебе в ногу!.. Не успел уберечься...

Даже опытный профессор молча

качал головой, осматривая вспухшую синевато-бурую ногу солдата. Газовая гангрена — страшная штука. Отрезал ногу — единственный способ спасти жизнь. Запекшиеся губы шепчут как в бреду:

— Нельзя отрезать, профессор. Я — актер. Знаю, летчики летают без ног. А как же играть? Поймите, профессор. Пожалуйста...

Наверное, профессор понял. Или опять-таки «побезло». Нogu спаси. Наверное, сейчас никто из зрителей, аплодирующих лихо танцу Пети Горемыкина из «Чудесного слова» или бурной пляске Цы-

ганка, даже не подозревает, что у плясуна серьезно повреждены обе ноги. Одна под Ленинградом, другая — в Сталинграде.

* * *

Его «мирный» актерский стаж начался в Каменец-Подольске, в местном русском драматическом театре. Не было бурного триумфа. Он начинал скромно, с небольших ролей, не гнушаясь выходами, памятуя знаменитые слова К. С. Станиславского: «Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры». Порой сказывались и недостаток техники, и отсутствие на протяжении многих лет систематической, глубокой работы.

Многого не доставало, но многое сразу покорило зрителей в его игре: непосредственность, хорошая искренность, теплота. Дирекция и режиссура очень скоро отметили, что новый актер не хочет довольствоваться тем материалом, который ему предлагают. Он сам много работает, ищет, причем ищет в самых разных направлениях. Вслед за Разюляевым из «Бедности не порок» — Вальтер в «Губернаторе провинции», вслед за Шмагой — японский самурай Фурута-сан в пьесе А. Барянова «На той стороне». Газетные рецензии все чаще отмечали: «Добре справился с ролью артист И. Ф. Екатериничев».

В Рязанский театр юного зрителя он поступил в 1951 году. Это лишь несведущим людям кажется, что играть для детей легче, нежели для взрослых. Дети зачастую судят строже, откровеннее и — беспощаднее. Через год рязанские мальчишки разговаривали между собой:

— Смотрел «Мальчишка из Марседя»? Вот Екатериничев дает!

Восхищенное «даст» и было лучшим признанием юных зрите-

лей. Они потеснили ряды своих любимцев и приняли в их число Ивана Федоровича Екатериничева.

Старшие аплодировали его Елесе в «Не было ни гроша, да вдруг алтын», его Косте Полетаеву в «Странице жизни», Кресало в «Юлыньчике из Страколиц». Мальчишки слез хохотали над его воеводой, когда шел «Иван да Марья», и удивлялись, каким это образом артист может так неузнаваемо перемениться в роли пирата («Великий волшебник»).

Трудно даже перечислить все образы, созданные И. Ф. Екатериничевым на сцене Рязанского ТЮЗа за семь лет. Их более сорока. Тут и отчаянный Степан Барабаш («На улице Счастливой»), и глуповатый Лопуцковский («Шельменко-денщик»), и Ахмет — красноармеец («Всадник, скачущий вперед»). Островский, Горький, Билль-Белоцерковский, Корнейчук — разные пьесы, разные характеры.

Екатериничев — актер преимущественно комедийный. И его основные успехи связаны с комедийными ролями. Но это вовсе не значит, что единственное стремление актера — посмеять зрителей, посмеять во что бы то ни стало. Прежде всего, Екатериничева привлекает психология того или иного образа, внутренний мир героя. Вот почему он с особым удовольствием работал над ролью Андрея в пьесе В. Розова «В добрый час!» Актер по достоинству оценил глубокую наполненность образа, рассмотрел и сумел передать за внешней видимостью бесшабашного паренька его сложные и противоречивые раздумья. Образ Андрея — настоящая удача артиста.

То же сочетание блестящего юмора и большого внутреннего содержания привлекли Екатериничева в роли Пети Горемыкина (пьеса В. Киршона «Чудесный слав») и в роли Игоря («Место в жизни» М. Шатрова).

Утром артист раскрывает свою записную книжку. Ее страницы

испещрены заметками о новых пьесах, мыслями о последних ролях. Что предстоит сделать сегодня?

Через полчаса — репетиция в театре. Готовится новый спектакль — сказка «Красная розочка». Затем надо уехать в школу. Его пригласили на интересную встречу — «Что такое счастье?» Надо подумать, о чем он будет рассказывать своим зрителям. В пять часов партийное собрание — вот уже второй год товарищи выбирают Ивана Федоровича секретарем партийной организации театра.

А вечером у него самое главное: спектакль. Медленно погаснет свет в зале, раздвинется занавес. Сотни глаз устремятся на сцену. Они ждут от него, артиста, новых мыслей и больших, волнующих чувств. Они пришли сюда учиться.

После спектакля артист не ложится спать. Он сам садится за учебу. В этом году Екатериничев заочно кончает актерский факультет Государственного института театрального искусства имени Луначарского. Артист постоянно стремится к новым знаниям и творческим поискам.

— Знаете, — говорит он, — есть в нашей профессии одна цель, которой мы постоянно добиваемся и никогда не достигаем. Это — творческое удовлетворение. Кажется, хорошо, достиг, чего хотел, а нет. Оказывается, не совсем. Можно лучше. И опять не спишь ночей, думаешь, ищешь. Страшно трудно и — страшно увлекательно.

Рязанский ТЮЗ вступает в свой двадцать первый сезон. Иван Федорович Екатериничев тоже в эти дни отмечает своеобразный юбилей. Двадцать лет назад он, семнадцатилетний юноша, получил свидетельство об окончании Земетчинской студии — путевку в актерскую жизнь. Эта жизнь продолжается. Перед артистом — новые роли, новые трудности, новые победы.

В. КОЖЕМЯКО.